

Мартинovich Г. А. Из истории изучения вопросов взаимоотношения языка и мышления (Вопросы взаимоотношения языка и мышления в работах И. М. Сеченова и И. П. Павлова) / Г. А. Мартинovich // Лингвистические этюды. – СПб.: Образование, 1992. – С. 58–84.

Проблема соотношения языка и мышления относится к междисциплинарным, или, лучше сказать, общенаучным проблемам. Вполне естественно поэтому, что, будучи тесно связанной с основным вопросом философии — вопросом отношения бытия и сознания, она является и одной из центральных общепhilosophических проблем. Как и в каждой общей проблеме, в ней могут быть выделены различные частные стороны, вопросы, аспекты, она может быть рассмотрена с различных мировоззренческих позиций с использованием методологий разных направлений, школ, традиций и т. п. В данном случае мы ограничиваемся изложением некоторых, как нам кажется, наиболее существенных вопросов соотношения языка и мышления в работах И. М. Сеченова и И. П. Павлова в свете материалистического мировоззрения.

За основные, определяющие положения при рассмотрении этих категорий нами принимаются известные высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса о сущности языка и сознания и их отношении к бытию, объективной действительности. Предварительно рассмотрев четыре предпосылки возникновения человеческого сознания, Маркс и Энгельс пишут в «Немецкой идеологии»: «На „духе“ с самого начала лежит проклятие — быть „отягощенным“ материей, которая, выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка. Язык так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и тем лишь самым существующее также и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми»¹. И далее: «непосредственная действительность мысли есть язык». Эти высказывания хорошо известны. Однако интерпретация их отдельными исследователями

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 29.

бывает самой разной. Обращает на себя внимание тот факт, что данные выражения очень часто приводятся либо не полностью, либо в несколько искаженном виде. Вот один из типичных примеров: «Язык — это прежде всего „важнейшее средство человеческого общения“ (В. И. Ленин), „практическое... действительное сознание“ (Маркс — Энгельс), орудие мышления»². Такое механическое соединение «определений» языка прежде всего неправомерно методически, так как в зависимости от признания той или иной функции языка (средство общения, орудие мышления и т. п.) в качестве основной по-разному могут быть решены некоторые весьма существенные вопросы. Высказывание же из «Немецкой идеологии» в приведенной форме («практическое... действительное сознание») обеднено, а потому и недостаточно точно. Весьма существенным представляется также замечание К. Т. Крушельницкой³ по поводу неточности принятого перевода выражения *Die unmittelbare Wirklichkeit des Gedankens ist die Sprache* как «язык есть непосредственная действительность мысли»⁴. Уже простая логическая операция (*любая непосредственная действительность мысли есть язык*) указывает на логическую ошибку, допускаемую в этом традиционном переводе, тогда как более точное русское соответствие *непосредственная действительность мысли есть язык* (и соответственно: *любой язык есть непосредственная действительность мысли*) существенно меняет положение вещей. Всё дело, очевидно, в том, что рассматриваемое выражение в оригинале не является собственно дефиницией языка, а отмечает лишь один из возможных (в данном случае основной, главный, но, конечно, не единственный) видов «непосредственного», «действительного», «практического» и т. п. проявления («для других и лишь тем самым для меня самого») человеческой мысли. Необходимо обратить особое внимание на то, что Маркс и Энгельс постоянно подчеркивают, с одной стороны, неразрывное диалектическое единство (но не тождество) человеческого звукового языка и собственно человеческих

² *Методические* указания к факультативному курсу «Русское слово как предмет языкознания». М., 1972. С. 6.

³ *Общее языкознание*. М., 1970. С. 373.

⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 443.

(т. е. абстрактных, отвлеченных, научных, рациональных, надситуативных и т. п.) форм и способов мышления, с другой — гносеологически «отягощают» сознание, мышление языком, а не наоборот, утверждая тем самым первичность и причинность мышления и вторичность, зависимость от него языка: «непосредственная действительность мысли есть язык», «язык есть практическое существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание» и т. п., словом, везде в первую очередь определяется, что есть ближайшая «непосредственная действительность» мысли, ее практическое, действительное, материализованное в виде движущихся слоев воздуха (звуков) проявление для других людей.

Однако ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс, ни В. И. Ленин в свое время не проводили разграничения между языком и речью, как не проводили его И. М. Сеченов и И. П. Павлов. В их работах язык и речь по отношению к сознанию, мышлению рассматривались недифференцированно, главным образом с точки зрения определения и описания особенностей их сущности в отличие от сущности различных мыслительных явлений (и в единстве с ними). К тому же эта важная проблема («язык — речь») тогда еще вообще не была поставлена в качестве подлинно научной проблемы, и по отношению к ней имелись лишь отдельные высказывания некоторых исследователей (например, В. фон Гумбольдта). Как известно, первое научное обоснование и постановка этого вопроса связаны с публикацией Ш. Балли и А. Саше (Париж, 1916) своих студенческих конспектов лекций женевского лингвиста Ф. де Соссюра (первая публикация на русском языке относится к 1933 г.), хотя, как это теперь выясняется, в них мысли и взгляды Соссюра представлены в несколько извращенном виде, низведены на уровень обычного «социологического» понимания⁵. Но это неразграничение языка и речи ни в коей мере не должно сказываться на оценке принципиального подхода ученых того времени к рассматриваемой проблеме, ибо, как отмечает В. З. Панфилов, «эта формула (имеется в виду выражение из «Немецкой идеологии» на «духе...») и т. д. — Г. М.) Маркса и Энгельса нужда-

⁵ Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969. С. 10-13.

ется в известном уточнении в связи с необходимостью разграничения языка и речи. Лишь содержательная сторона речи выступает вместе с тем как содержание нашего сознания, и оно не сводится к простой сумме значений тех языковых единиц, которые используются в процессе речи... Учитывая факт несовпадения языка и речи, можно было бы перифразировать это положение Маркса и Энгельса следующим образом: „речь есть действительное сознание“⁶ и аналогично — «действительность мысли есть речь».

XIX век ознаменован началом интенсивного развития естественных наук вообще и всестороннего изучения самого человека как социально-биологического существа в частности. Надлежащее место в этом процессе заняли исследования языка и речи, мышления и сознания, их природы, устройства, связей и отношений. При всем разнообразии существовавших в то время в данной области взглядов, школ, направлений, методов и т. п. у истоков всех последующих передовых, материалистических направлений отечественной науки стоят прежде всего имена двух виднейших русских психологов и физиологов — И. М. Сеченова и И. П. Павлова.

I

Как известно, величайшей заслугой И. М. Сеченова, «отца русской физиологии», как назвал его И. П. Павлов, является научное («объективное») доказательство того, что «внешняя деятельность человека, все акты его сознательной и бессознательной психической жизни... управляются физиологическими механизмами и по своему происхождению суть рефлексy, которые начинаются возбуждением органов чувств предметами внешнего мира, продолжаются психическим актом и кончаются мышечным движением»⁷. Занимаясь изучением физиологии психических процессов, физиологии мышления и т. п., Сеченов, вполне естественно, большое внимание уделял и интересующим нас вопросам, сущность которых изложена им помимо «Рефлексов головного мозга» в таких работах, как «Кому и как разрабатывать психологию», «Предметная

⁶ *Панфилов В. З.* Взаимоотношения языка и мышления. М., 1971. С. 26.

⁷ *Каганов В.М.* И. М. Сеченов // И. М. Сеченов. Избранные произведения. М., 1958. С. 11.

мысль и действительность», «О предметном мышлении с физиологической точки зрения», «Элементы мысли» и некоторых других.

Одним из наиболее существенных моментов учения И. М. Сеченова, имеющего принципиальное значение для дальнейшего изучения природы человеческого (собственно *homo sapiens*) мышления, является понимание им мышления (в самом широком смысле слова) как явления постоянно изменяющегося, развивающегося, находящегося в плане как онто-, так и филогенеза в неумолимом движении от наипростейших, первичных, примитивных форм к формам все более и более высоким и совершенным. Эта мысль неоднократно подчеркивалась и акцентировалась Сеченовым во многих работах. Основываясь на существовании открытых им тормозящих центров головного мозга, Сеченов понимает мысль с физиологической точки зрения как результат искусства задерживать конечный член рефлекса: «Этот результат резюмируется умением *мыслить, думать, рассуждать*. Что такое в самом деле акт размышления? Это есть ряд связанных между собою представлений, понятий, существующих в данное время в сознании и не выражающийся никакими вытекающими из этих психических актов внешними действиями. Психический же акт... не может явиться в сознании без вившего чувственного возбуждения. Стало быть, и мысль подчиняется этому закону. А поэтому в мысли есть начало рефлекса, продолжение его, и только нет, по-видимому, конца — движения.

Мысль есть первые две трети психического рефлекса» (118)⁸.

Тем самым Сеченов включает любую мысль в психический рефлекс, что имело и продолжает иметь исключительно важное значение для правильного решения основного вопроса философии. Процесс мышления, «его логическая сторона» трактуется Сеченовым «как сопоставление мыслимых объектов друг с другом в каком-либо отношении» (279), среди которых выделяются «три главных категории отношений — сходство, сосуществование и последование — соответственно тому, что в мысли объекты являются только в трех главных фор-

⁸ Цифра в скобках после цитат указывает страницы в кн.: Сеченов И. М. Избранные произведения. М., 1958.

мах сопоставления: как члены родственных групп, или классификационных систем, как члены пространственных сочетаний и как члены предметных рядов во времена» (286), или, другими словами, «совместное существование, последование и сходство» (265), «сходство, пространственная или топографическая связь и преемство» (340) и т. п. При этом содержанием актов мышления объявляется сравнение (195). Таким образом, мысль — это «сопоставление двух (по меньшей мере) или более объектов друг с другом в отношении или направлении. Значит, в мысли вообще можно отличить следующие общие элементы: 1) раздельность объектов, 2) сопоставление их друг с другом и 3) направление этих сопоставлений» (301).

«Между действительным впечатлением с его последствиями и воспоминанием об этом впечатлении, со стороны процесса, в сущности, нет ни малейшей разницы. Это тот же самый психический рефлекс с одинаковым психическим содержанием, лишь с разницею в возбудителях. Я вижу человека, потому что на моей сетчатой оболочке действительно рисуется его образ, и вспоминаю потому, что на мой глаз упал образ двери, около которой он стоял» (110). «Содержание же воспроизведенного чувствования определяется организацией его следа в складе памяти в минуту воспроизведения» (323). Следовательно, между фактом непосредственного, чувственно-наглядного сопоставления и соизмерения (т. е. тоже мыслью), который является «чувственным первообразом сравнения, доступным даже животному, — актом сознания, чувствуемым непосредственно, без всяких рассуждений» (324–325), и фактом сопоставления и соизмерения «воспоминаний» о различных действительных впечатлениях, воспоминаний, которые могут быть вызваны самыми разнообразными «возбудителями» («первыми и вторыми сигналами», т. е. предметами, вещами, словами и т. д.), нет никакой принципиальной разницы.

Именно с этого «чувственного первообраза сравнения, доступного даже животному», и начинается, можно сказать, «страна мышления», и даже более того: мышление начинается с узнавания в самых примитивных формах, свойственных «не только ребенку, но и животным, обладавшим способностью пере-

движения» (341), так как «узнавание предметов, этот наипростейший из всех психических актов, носит на себе все существенные характеры (т. е. по содержанию и как ряд процессов) мышления... в нем содержится даже та сторона мышления, из-за которой последней придают характер разумности» (342) и, может быть, слишком категорично: «в узнавании есть, наконец, даже элементы рассудочности, насколько процесс напоминает собой умозаключительные акты» (343).

Однако «учение о мышлении было осуждено целые века развиваться на готовых образчиках мысли, воплощенной в слово. Оно изучалось, другими словами, с середины, а не со своего естественного начала, притом не по исходным или основным формам, а по образцам вторичным, производным» (276–277), тогда как «изучение должно начинаться с истории возникновения детской мысли из чувствования или вообще предметной мысли из ощущения» (276) и тем самым должно позволить решить вопрос «о развитии зрелого мышления из исходных детских форм, или, что то же, решить вопрос о развитии всего мышления из чувствования» (277).

И все же, несмотря на то что «акты различения во внешних предметах их качеств или признаков свойственны, без всякого сомнения, как детям, так и животным, поэтому и последние обладают способностью узнавать предметы по отдельным признакам» (349), а «различие в предметах их свойств есть уже род мышления предметами и их свойствами» (350) и что «на этой ступени развития расчлененное чувствование, как средство ориентации во времени и пространстве и как руководитель целесообразных действий, носит на себе все внешние характера мышления», все же оно «в сущности представляет не что иное, как фазу расчлененных чувственных рядов, координированных друг с другом и с двигательными реакциями в определенные группы. Это есть фаза чувственно-автоматического мышления, которую едва ли переступает какое-либо животное в диком состоянии, но которая у человека непосредственно переходит в конкретное предметное мышление» (351).

Изучая дальнейшие ступени развития мышления, И. М. Сеченов в работе «Элементы мысли» задался целью «рассмотреть простейшие формы мышления, возникающие на основе чувственных образов, показать преобразование чувственных впечатлений в мысль, оформленную в речь; дать материалистическое объяснение самосознания человека; рассмотреть чувственные корни абстрактного или, как его называл Сеченов, „внечувственного“ мышления»⁹. Считая структуру мысли постоянной на всех стадиях, ступенях ее существования («всякую мысль можно рассматривать как сопоставление мыслимых объектов друг с другом в каком-либо отношении» (279)) и независимой от содержания, утверждая «тесное родство мыслей разных порядков не только со стороны общего типа их строения, но и со стороны отношений, в которых объекты сопоставляются друг с другом» (286), Сеченов исходным положением этой своей работы устанавливает «возможность изучения *всех* мыслимых человеком отношений в первоначальной школе предметного мышления, имеющего корни, несомненно, в чувствовании» (280), о котором в несколько более ранней работе «О предметном мышлении с физиологической точки зрения» говорилось, что «элементами бессловесной предметной мысли служат продукты воздействия внешнего мира на наши органы чувств, а факторами, из кооперации которых мысль возникает, — повторяющееся внешнее воздействие, упражненный орган чувств и органы памяти. Что же касается процесса мысли, то в случае, когда она родится непосредственно из реального впечатления, акту мышления соответствует физиологический ряд отдельных реакций упражненного чувства на сложное внешнее воздействие. Когда же мысль является в виде воспоминания, то ее физиологическую основу составляет повторение прежнего нервного процесса, но уже исключительно в центральной нервной системе» (272–273).

Уже самым ранним фазам, ступеням, стадиям развития мышления (фазам «чувственно-автоматического мышления») присущи такие важные свойства, как отвлечение и обобщение, анализ и синтез, индукция и дедукция и т. п., ко-

⁹ Будилова Е. А. И. М. Сеченов и И. П. Павлов в борьбе за материализм. М., 1954. С. 44.

торые находятся в постоянном качественном изменении, совершенствовании, развитии и проявляются в наиболее полной, законченной форме только в собственно человеческом, т. е. предельно отвлеченном, абстрактном, понятийном и т. п. мышлении, важнейшая роль в формировании которой отводится языку, слову. Другими словами, каждой ступени (фазе, стадии) развития мышления соответствуют различные степени символичности (а под ней Сеченовым понимались различные формы и виды отражения объективного мира) по близости их соответствия, сходства с действительностью.

Так, помимо простого узнавания, опознания предметов и явлений, т. е. 1-й стадии «чувственно-автоматического мышления», И. М. Сеченов последовательно выделяет еще три находящиеся в постоянной связи и взаимодействии стадии развития и существования мышления: 2) фаза предметного (чувственно-наглядного, непосредственного, ситуативного и т. п.) мышления, мышления «конкретами», т. е. реальными, непосредственными впечатлениями; 3) фаза мышления на уровне воспроизведенных образов и представлений; 4) фаза понятийного, абстрактного, символического и т. п. мышления. Каждая из отмеченных стадий отличается от всех других прежде всего с качественной стороны, но всем им присущи и общие (в первую очередь структурные), объединяющие их элементы, которые определяют всё мышление именно как мышление в отличие его от множества других как объективных, так и субъективных явлений.

Чем же характерна фаза предметного мышления? «От узнавания предметов по отдельным признакам, даваемого предшествующей фазой развития, ребенок непосредственно переходит к настоящему мышлению внешними предметами и их признаками или свойствами» (351), «в первую пору своего развития ребенок мыслит только предметными индивидуальностями — данной елкой, данной собакой и т. д.» (281), т. е. теми вещами и предметами, которые непосредственно присутствуют перед ним в данный момент. Но уже эта стадия мышления имеет довольно сложную структуру, так как «одновременные и последовательные комплексы движений во внешнем мире отражаются в чувствовании группами и рядами, сосуществованием и последованием» (337) и «одно-

временному определенному комплексу извне всегда соответствует определенная чувственная группа, а последовательному комплексу — чувственный ряд» (338). Но развитие форм и способов мышления продолжается. Возникает возможность мыслить уже не только конкретным, единичным, непосредственно данным, но и, если можно так сказать, конкретным, единичным, но воспроизведенным, «вспомненным данным»: «насколько комплексы внешних влияний постоянны, всякий внешний предмет или явление (т. е. объективное чувствование) фиксируется в памяти и воспроизводится в сознании не иначе, как членом пространственной группы, или членом преемственного ряда, или тем и другим вместе. Насколько комплексы внешних влияний изменчивы, всякий внешний предмет или явление фиксируется в памяти и воспроизводится в сознании как сходственный член изменчивых групп и рядов» (338). Работа мозга по анализу и синтезу, отвлечению и обобщению и т. п. идет дальше, поэтому «хотя общие условия расчленения предметов на признаки те же, что условия расчленения обширных групп на отдельные предметы, а именно: изменчивость объективных и субъективных условий восприятия, но продукты расчленения отличаются в обоих случаях в следующем отношении: обширная группа, как сочетание крайне изменчивое, регистрируется преимущественно враздробь и только в исключительных случаях цельной группой, тогда как предмет, как группа более узкая и постоянная, регистрируется и целиком и враздробь.

Воспроизводясь в последних двух формах рядом, она составляет настоящую предметную мысль, в которой объектами являются предмет и его свойство, положение или состояние.

В этой категории мыслей отдельности объектов соответствует отдельность физиологических реакций восприятия и их следов в нервной организации; сопоставлению их друг с другом — преемственность распространенного нервного процесса при актах воспроизведения, а связующим звеньям (направлению сопоставления) частичное сходство между последовательными реакциями восприятия и их следами в памяти» (354–355). Когда же предметами мысли являются не один предмет и его признак, а два или более отдельных предмета,

то и в этом случае «мысль есть не более как акт воспроизведения расчлененной чувственной группы, состоящей по меньшей мере из трех отдельных реакций восприятия. Двум крайним соответствуют обыкновенно объекты мысли, а промежуточной — связующее их отношение...

На этой ступени развития, длящейся очень короткое время... мысль ребенка несколько не отличается от реального впечатления, относясь к нему, как воспоминание относится к виденному и слышанному... Такая мысль в самом счастливом случае может воспроизводить действительность только рабски-фотографически, причем только чисто с внешней стороны» (356).

Но все же именно так происходит окончательный переход к следующей из отмеченных выше стадий мышления, переход от мышления воспроизведенными образами отдельных, конкретных («вспомненных данных») и т. п. предметов к мышлению обобщенно-образному, когда человек уже мыслит «елкой как представителем особой породы деревьев, собакой вообще и пр. Здесь объект мысли уже удалился от своего первообраза, перестал быть умственным выражением индивидуума, превратившись в символ, или знак, для группы родственных предметов» (281). «На этой стадии у человека в памяти сливаются все сходные предметы в средние итоги... он мыслит дубом, березой, елью, хотя видел на своем веку эти предметы тысячу раз в разных формах. Эти средние продукты не будут уже точными воспроизведениями действительности... по смыслу они представляют единичные чувственные образы или знаки, заменяющие собой множество однородных предметов». Эти средние итоги И. М. Сеченов называет символами 1-й инстанции, «которыми должен думать уже ребенок, если он видел расчлененно десятки берез, собак и лошадей» (361). Отличие представлений от «чувственных конкретов», от «расчлененного чувственного облика какого-нибудь конкретного», по Сеченову, заключается в том, что «последний есть результат расчленения чувственного восприятия какого-нибудь одного предмета и по своему содержанию представляет сумму признаков, непосредственно доступную чувству. Представление же есть средний итог из отдельных расчлененных восприятий — отвлечение от известной суммы однородных

предметов» (364). Именно представления и мышление ими являются, можно сказать, переходной, переломной, пограничной и т. п. ступенью к рациональному отвлеченному, абстрактному, символическому и т. п. мышлению.

К определению роли слов, языка в этих процессах И. М. Сеченов подошел благодаря материалистическому пониманию физиологических процессов человеческой психики и прежде всего памяти, способности воспроизведения «виденного, слышанного и вообще испытанного». Уже в ранних работах он последовательно утверждал принцип субъективных отражений объективного мира, выяснял процессы возникновения и существования образов («копий, слепков» — В. И. Ленин) явлений, предметов действительности. Наиболее существенными, на наш взгляд, моментами для понимания роли, значения слова в процессах рационального, «внечувственного» мышления являются высказывания Сеченова о том, что возникновение образов, отражений, как результатов «воспроизводящей действительности способности» человеческого мозга, может быть вызвано самыми разными причинами (прежде всего внешними, материальными, хотя, очевидно, и не только ими, так как идеальные ассоциации также возможны, и «внутренние чувства» — голод, страх, радость и т. п. — могут быть «возбудителями» того или иного образа; правда, Сеченов об этом прямо не говорит). Выше уже упоминалось следующее высказывание: «я вижу человека, потому что на моей сетчатой оболочке действительно рисуется его образ, и вспоминаю потому, что на мой глаз упал образ двери, около которой он стоял» (116). В дальнейшем эта мысль развивается приблизительно следующим образом. Непосредственное отражение внешних явлений в чувствовании группами и рядами представляет собой сложные отражения. Нервный процесс при этом оставляет след в нервно-психической организации, т. е. осуществляется фиксирование в памяти чувственной группы или ряда. По мере повторения этого процесса происходит усиление возбудимости в соответственных путях. Со временем возможно возбуждение при самых незначительных толчках извне, и наконец, прежние действительные внешние влияния могут вспоминаться, «отражаться в сознании (т. е. приходить в возбуждение) при условиях возбужде-

ния, не имеющих ничего общего с первоначальными. Все подобные случаи носят название актов воспоминания или воспроизведения впечатлений (виденного, слышанного и вообще испытанного)» (339). Затем происходит расчленение впечатлений, и в памяти наиболее прочно фиксируется постоянное и сходственное, что «и составляет расчленение группы — выделение из нее постоянных частей и в то же время регистрацию по сходству» (340). Вот эти-то свойства психики высших животных и человека и прежде всего возможность воспроизведения, воспоминания и т. п. известных субъекту явлений предметов, действий, событий и т. д. под влиянием разнообразных возбудителей, порой не имеющих совершенно ничего общего с самими реалиями, и являются естественными предпосылками, базой для возникновения определенных систем материальных коммуникативных средств — системы членораздельных звуков человеческой речи, систем «сигналов сигналов», слов, языка и вместе с ними научного, рационального, отвлеченного, символического и т. п., т. е. собственно и исключительно человеческого мышления, основные и наиболее существенные принципы и процессы происхождения которых в свете роли труда в «общественной» жизни различных приматов убедительно показал в свое время Ф. Энгельс.

Так происходит процесс постепенного развития мышления до высшей формы его проявления. Окончательный переход чувственно-образных форм мышления в область мышления совершенно отвлеченного, рационального и т. п. является, конечно, одним из закономерных диалектических скачков в новое качество. Но как любые качественные скачки, скачки от более низких, ранних и т. п. форм существования мышления к формам более высоким, совершенным осуществляются только путем постепенного количественного накопления элементов предшествующих ступеней. И хотя это и подобные ему положения И. М. Сеченовым нигде не высказаны и скорее всего не могли были быть высказаны, но соответствующий подход (возможно, стихийный) к изучаемым явлениям ясно ощущается во многих его работах. И, вероятно, именно поэтому мы, в частности, читаем далее: «Как единичное отвлечение от множества, представле-

ние есть символ. Как совмещение свойств и отношений предмета к другим, включая и человека, представление есть умственная форма непосредственно более богатая содержанием, чем предшествующая ей ступень (расчлененный чувственный, образ) — синтетическая форма, в которой совмещается всё, что человек знает о предмете. В этом смысле полное представление обнимает собой всю естественную историю предмета, равно как сумму всех его значений в жизни человека. Полные представления составляют поэтому в головах людей редкость» (364), а это «полное представление» есть уже по сути дела понятие, и даже не «бытовое», а «научное», если пользоваться современной терминологией. Однако необходимо заметить, что Сеченовым так и не была произведена четкая дифференциация, во-первых, представлений и понятий, во-вторых, представлений и чувственных образов («обликов»), да и в наше время эти разграничения вызывают определенные затруднения, что еще раз говорит о своеобразном, промежуточном, переходном положении представлений.

Способ происхождения «символов, называемых понятиями», рассматривается Сеченовым здесь же на примере усвоения ребенком слов *дерево* и *трава*, с одной стороны, и *растение* — с другой, о чем несколько ранее говорилось, что «с дальнейшим расширим сферы сравнения по сходству объектами мысли являются — „растение“, „животное“ — группы несравненно более обширные, чем „ель“ и „собака“, но выражаемые по-прежнему единичным (хотя и другим) знаком. Понятно, что при таком движении мысли объекты ее должны принимать все более символический характер, удаляющий их от чувственных конкретных» (281). И хотя современный человек рождается, можно сказать, в «языковой обстановке» и его с детства сознательно начинают учить словам, но все же для их усвоения необходимо, чтобы в самом ребенке происходила символизация впечатлений. «Вот эта-то таинственная работа превращения чувственных продуктов в менее и менее чувственные с виду символы, рядом с прирожденной способностью к речи, и дает возможность человеку сливать продукты чужого опыта с показаниями собственного (это и значит усваивать представляемое), составляя в то же время самую характерную черту всего его последующего раз-

вития» (358). При этом с виду будто бы происходит резкий перелом, переход от чувственных конкретов, копий с действительности к отголоскам ее, тогда как на самом деле это отголоски «сначала очень близкие к реальному порядку вещей, но мало-помалу удаляющиеся от своих источников настолько, что с виду обрывается всякая связь между знаком, или символом, и его чувственным корнем...

Эти знаки, или символы, принято называть *абстрактами*, или *умственными отвлечениями* от реального порядка вещей; на этом основании всю соответствующую фазу развития называют *абстрактным* или *отвлеченным*, также *символическим мышлением*. Начинаясь с очень раннего детства, фаза эта длится без всяких переломов всю остальную жизнь человека» (358). Эта же мысль повторяется далее в форме, позволяющей определить понятия прежде всего как отражения наиболее существенного и общего в предметах и явлениях: «От среднего дуба, такой же ели и березы детская мысль переходит к „дереву“ как единичному образу или знаку множества сходных (неоднородных) предметов. „Дерево“ даже в сознании ребенка не есть словесный знак, а уже значительно расчлененный образ... Это — символы 2-й степени...

На этой степени отвлечения из чувственных первообразов (т. е. впечатлений от реального дерева) выброшены признаки наиболее непостоянные (величина, телесность, направление видения и окрашенность частей), а остаток — древообразная фигура, — сохраняющийся у большинства людей всю жизнь, сделался сокращенным символом или сокращенным знаком, для известного отдела внешних предметов...

...Всякий сокращенный смысл... является по содержанию более или менее дробной частью заменяемого им цельного предмета, а со стороны процесса дробной частью всей суммы реакций восприятия (точнее: следом этих дробных реакций)» (361).

Понимание собственно соотношения языка и мышления, значения, роли слов, членораздельных звуков человеческой речи в процессах абстрактного,

символического мышления и т. п. в работах И. М. Сеченова постоянно развивалось и уточнялось на протяжении всей его научной деятельности.

Так, уже в «Рефлексах головного мозга» имеются довольно интересные, но в общем пока еще эпизодические высказывания по этому поводу: «Человек, как известно, обладает способностью *думать образами, словами и другими ощущениями*, не имеющими ни какой прямой связи с тем, что в это время действует на его органы чувств. В его сознании рисуются, следовательно, образы и звуки без участия соответствующих внешних действительных образов и звуков. Но поскольку все эти образы и звуки он прежде видел и слышал в действительности, постольку и способность думать ими, без соответствующих внешних субстратов, называется *воспроизводящею ощущения способностью*» (99). Что же представляет собой «акт воспроизведения психических образований? Со стороны сущности процесса это столь же реальный акт возбуждения центральных нервных аппаратов, как любое резкое психическое образование, вызванное действительным внешним влиянием, действующим в данный момент на органы чувств... со стороны процесса в нервных аппаратах в сущности все равно — видеть перед собой действительно человека или вспоминать о нем» (109), т. е. тем самым «в сущности все равно», думать ли конкретными, непосредственно данными в настоящее время предметами или же думать воспоминаниями о них, которые, как уже отмечалось, могут быть вызваны самыми разными причинами: явлениями, предметами, словами. Таким образом, думать, как обычно говорится, при помощи слов, это значит думать в ситуации слов, т. е. думать ощущениями, впечатлениями, образами, представлениями и т. п. адекватными образам, отражениям от непосредственно данных явлений, думать образами, ощущениями и т. п., *воспроизведенными, вспомненными в соответствующей словесной обстановке, словесной ситуации*.

В статье «Кому и как разрабатывать психологию» по интересующему нас вопросу говорится: «Как внешнее воспроизведение представления или мысли речь представляет род звуковой фотографии, которую воспроизводится при посредстве определенных, но чисто условных знаков расчлененность представле-

ний» (201), и человек, «раздробляя мысль на отдельные слова... может относиться к последним как к роду особей (звуковой анализатор первой ступени), имеющих по отношению к слуху то же самое значение, как камень, дерево, солнце и пр. к глазу» (203).

Однако «ум человеческий способен... обобщать клички предметов или их отношений без малейшего отношения к обобщениям самих предметов и их отношений» (203). Именно с этих позиций ведется Сеченовым критика всех старых «метафизик», идеалистических, реакционных и т. п. философий, одним из существеннейших грехов которых наряду с прочими является то, что «предельные объекты метафизики, или сущности, суть продукты расчленения уже не реальных впечатлений, а словесных выражений их» (201). Но в отличие от таких «кличек» существуют и употребляются слова, которым «соответствуют действительные обобщения или понятия: здесь общее относится к частному всегда как часть к целому (например, слову „животное“, поскольку в основе его лежит отвлечение от целого, — „то что дышит, что чувствует, что самодвижно — есть животное“ — соответствует реальный процесс отвлечения), тогда как видовая и родовая клички по своему содержанию совершенно тождественны... правда, и в этих случаях есть как будто нечто вроде отвлечения — я могу нарисовать контурами человека, птицу, рыбу, дерево, — но ведь всякий понимает, что когда я говорю: человек ходит, птица летает, рыба плавает, с объектами мыслей связываются никак не контуры предметов — отвлеченные формы от целого зрительного образа, — а реальности, обозначаемые условным собирательным именем...

Понятно, что из такого отношения ума человеческого к элементам могут вытекать крайне разнообразные осложнения, если хоть на минуту упустить из виду ее оригинальность, условность» (203–204).

В работе «Элементы мысли» И. М. Сеченов как бы подводит итог всем предыдущим исследованиям: «С детства человек выучивается думать на три лада: 1) более или менее отрывочными и сокращенными воспроизведениями действительно пережитого, без перевода чувственных элементов на язык условных знаков; 2) теми же сокращенными воспроизведениями, с пере-

водом их на слова и, наконец, 3) одними словами. Чем ярче в данном впечатлении чувственные элементы, тем больше шансов для воспроизведения его в первой форме. Чем символичнее, наоборот, элементы чувствования данной минуты, тем больше для них шансов облекаться в наиболее привычные символические (сокращенные) формы. Для огромного большинства людей такой привычной формой является слово. Когда же мысль человека переходит из чувственной области во внечувственную, речь, как система *условных* знаков, развивавшаяся параллельно и приспособительно к мышлению, становится необходимостью. Без нее элементы внечувственного мышления, лишенные образа и формы, не имели бы возможности фиксироваться в сознании; она придает объективность, род реальности (конечно фиктивной), и составляет поэтому основное условие мышления внечувственными объектами...

Можно думать поэтому, что изложенные до сих пор основы мысли как процесса претерпевают очень существенные перемены, как только в нее вводятся такие условные знаки, как слова» (372–373). И здесь же, уже вплотную подходя к павловским «сигналам сигналов» и т. п., в связи с рассмотрением того момента в развитии ребенка, «когда начинаются в голове, помимо обучения, дробление и классификация цельных предметов и отвлеченных от них частей, признаков и отношений» и когда «является потребность новых обозначений; и в речи, развивавшейся века параллельно и приспособительно к мышлению, потребность находит готовое удовлетворение» (375), говорится о том, что в конечном итоге «для человека становится собственно безразлично, мыслить ли прямыми символами или с переводом их на язык условных знаков.

...Введение словесных символов в мысль представляет или прибавку новых чувственных знаков к уже существующему ряду их, или замену одних символов другими, равнозначными в физиологическом отношении. Ясно, что природа мысли от этого измениться не может.

Даже метафизическая (здесь — отвлеченная, научная, теоретическая. — Г. М.) мысль как процесс сохраняет значение ряда чувственных знаков, параллельного передвижению возбуждения по определенным путям» (376).

Столь подробное рассмотрение некоторых положений сеченовского учения понадобилось нам в связи с тем, что, по существу, в нем содержатся начала подлинно научного подхода к проблеме соотношения языка и мышления и прежде всего ее логически закономерного и объективно необходимого развития в трудах И. П. Павлова, который сам неоднократно указывал на решающее значение работ И. М. Сеченова для своих исследований. И в этом не приходится сомневаться, так как многое из того, что первоначально так гениально, но только предугадывалось Сеченовым, позднее было практически, экспериментально доказано Павловым; то, что в работах Сеченова содержалось как бы между строк, в подтексте или скрывалось за не всегда точными формулировками, в трудах Павлова нашло свое строгое и ясное выражение. Однако прежде чем остановиться на интерпретации интересующих нас вопросов Павловым, необходимо подвести хотя бы самые общие итоги сказанному выше.

Представляются совершенно неоправданными те положения, в которых возникновение мышления вообще, мышления как такового связывается только и исключительно с появлением слов, языка и членораздельной речи и т. п.¹⁰. Мышление (хотя бы как средство ориентации в окружающей среде, как способность узнавания и опознания, предметов и явлений, т. е. «чувственно-автоматическое» и т. п. мышление) присуще животному миру на довольно ранних ступенях его развития. В своем качественном совершенствовании мышление достигает высшей формы проявления в области так называемого абстрактного, отвлеченного и т. п., осуществляемого при помощи («в ситуации») слов мышления.

Ф. Энгельс в работе «Диалектика природы» писал: «*Рассудок и разум*. Это гегелевское различие, согласно которому только диалектическое мышление разумно. Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности: индукция, дедукция, следовательно, также абстрагирование (родовые понятия у Дид-

¹⁰ Критический разбор подобных воззрений см.: *Общее языкознание*. М., 1970. С. 30-40. См. также: *Салиев А.* Мышление как система. Фрунзе, 1974; *Тихомиров О. К.* Психология мышления. М., 1984; *Системный анализ процесса мышления*. М., 1989.

ро: четвероногие и двуногие), анализ незнакомых предметов (уже разбивание ореха есть начало анализа), синтез (в случае хитрых проделок у животных) и, в качестве соединения обоих, эксперимент (в случае новых препятствий и при затруднительных положениях). По типу все эти методы — стало быть, все признаваемые обычной логикой средства научного исследования — совершенно одинаковы у человека и у высших животных. Только по степени (по развитию соответствующего метода) они различны. Основные черты метода одинаковы и у человека, и у животных и приводят к одинаковым результатам, поскольку оба оперируют или довольствуются только этими элементарными методами. Наоборот, диалектическое мышление — именно потому, что оно имеет своей предпосылкой исследование природы самих понятий, возможно только для человека, да и для последнего лишь на сравнительно высокой ступени развития (буддисты и греки) и достигает своего полного развития только значительно позже, в новейшей философии; и несмотря на это — колоссальные результаты уже у греков, задолго предвосхищающие исследование»¹¹. И в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»: «То, что объяснение возникновения языка из процесса труда и вместе с трудом является единственно правильным, доказывает сравнение с животными. То немногое, что эти последние, даже наиболее развитые из них, имеют сообщать друг другу, может быть сообщено и без помощи членораздельной речи. В естественном состоянии ни одно животное не испытывает неудобства от неумения говорить или понимать человеческую речь. Совсем иначе обстоит дело, когда животное приручено человеком. Собака и лошадь развили в себе, благодаря общению с людьми, такое чуткое ухо по отношению к членораздельной речи, что в пределах свойственного им круга представлений они легко научились понимать всякий язык. Они, кроме того, приобрели способность к таким чувствам, как чувство принадлежности к человеку, чувство благодарности и т. д., которые раньше им были чужды. Всякий, кому много приходилось иметь дело с такими животными, едва ли может отказаться от убеждения, что имеется немало случаев, когда они свою

¹¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 537-538.*

неспособность говорить ощущают *теперь* как недостаток. К сожалению, их голосовые органы настолько специализированы в определенном направлении, что этому их горю уже никак нельзя помочь. Там, однако, где имеется подходящий орган, эта неспособность, в известных границах, может исчезнуть. Органы рта у птиц отличаются, конечно, коренным образом от соответствующих органов человека. Тем не менее птицы являются единственными животными, которые могут научиться говорить, и птица с наиболее отвратительным голосом, попугай, говорит всего лучше. И пусть не возражают, что попугай не понимает, что говорит. Конечно, он будет целыми часами без умолку повторять весь свой запас слов из одной лишь любви к процессу говорения и к общению с людьми. Но в пределах своего круга представлений он может научиться также и понимать, что он говорит. Научите попугая бранным словам, так, чтобы он получил представление о их значении (одно из главных развлечений возвращающихся из дальних стран матросов), попробуйте его затем дразнить, и скоро откроете, что он умеет так же правильно применять свои бранные слова, как берлинская торговка зеленью. Точно так же обстоит дело и при выклянчивании лакомств»¹².

Однако, несмотря на то что каждая новая форма мышления представляет более и более высокую, совершенную и т. п. ступень его развития, между самими этими ступенями не происходит полного разрыва, полного отделения, отграничения, изоляции их друг от друга, казалось бы, вопреки (а скорее всего именно в силу) скачкообразности процесса развития мышления, так как, во-первых, как уже говорилось, структура мысли всегда постоянна — это «сопоставление мыслимых объектов в каком-либо отношении» (И. М. Сеченов); «основные черта метода одинаковы и у человека и у животного» (Ф. Энгельс), а во-вторых, замечательной особенностью человеческой психики является то, что с возникновением новых, более совершенных форм, видов и способов мышления предшествующие им, более низкие формы не отпадают, не отмирают, не исчезают и не уничтожаются, а, улучшаясь и совершенствуясь (чувственно-наглядное мышление человека совершеннее, чем то же мышление животных)

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 489.

на своем уровне, продолжают существовать с ними, входят в них. Таким образом, происходит, по существу, снятие новыми формами мышления старых. Именно в силу этой сложности, комплексности человеческого мышления оно оказывается чрезвычайно разносторонним и многогранным явлением, в котором простейшие формы не только являются базой, предпосылкой возникновения более совершенных, сложных форм, но и существенно дополняют эти формы, функционируя с ними в тесном единстве.

II

Вопросы этой постоянной связи чувственного и рационального, различных форм и способов мышления и их отношения к языку, слову занимают видное место в учении И. П. Павлова о высшей и низшей нервной деятельности, об условных (приобретенных) и безусловных (врожденных) рефлексах, о временных и постоянных нервных связях в психике животного и человека и т. п., в развитии им взглядов И. М. Сеченова на возбуждение и торможение нервных процессов головного мозга, их иррадирование и концентрирование, в открытии первой и второй («лишней», дополнительной, специфически человеческой) сигнальных систем в нервно-психической организации человека и некоторых других.

Не затрагивая сущность психофизиологических процессов, изученных и описанных Павловым и имеющим хотя и важное, но все же специальное значение, приведем здесь несколько непосредственных выдержек из его работ, которые, как представляется, достаточно ясно раскрывают основные, наиболее общие и существенные стороны павловского учения в интересующей нас области.

Так, определенные указания на неразрывную связь, единство чувственного и рационального мышления содержатся, например, уже в разделении (конечно, очень условном) Павловым всех людей на художников и мыслителей, первые из которых «захватывают действительность целиком, сплошь, сполна, живую действительность, без всякого разъединения. Другие — мыслители, именно дробят ее, и тем самым как бы умертвляют ее, делая из нее какой-то временный скелет, и затем только постепенно как бы снова собирают ее части и ста-

раются их таким образом оживить, что вполне им все-таки и не удастся... целостное восприятие действительности мыслителю совершенно недоступно. Вот почему величайшая редкость в человеке соединение в одном лице великого художника и великого мыслителя. В подавляющем большинстве они представлены индивидуумами» (411)¹³. Здесь же Павлов называет «отделы» мозга, ведающие мышлением у тех и у других: «У одних, художников, деятельность больших полушарий, протекая во всей их массе, затрагивает всего меньше лобные их доли и сосредоточивается главнейшим образом в остальных отделах; у мыслителей, наоборот, — преимущественно в первых» (411). Учитывая всю принципиальную важность проведенного разграничения¹⁴, все же необходимо отметить, что оно отражает действительное положение вещей несколько схематично. Любой человек воспринимает (отражает) действительность в какой-то степени и как художник, и как мыслитель. Все определяется конкретными, индивидуальными «долями», «пропорциями» того и другого восприятия. По видимому, их *оптимальное соотношение* (конечно, при условии достаточности всех других необходимых человеческих качеств, способностей и т. п.: сила воли, трудолюбие, талант и т. д.) и дает в конечном итоге гения.

Эта же связь чувственного и рационального прослеживается и в объяснениях Павловым основных причин психических заболеваний, гипноза, сна и т. п.: «Это вторая система сигнализации и ее орган, как самые последние приобретения в эволюционном процессе, должно быть особенно хрупким, поддающимся в первую голову развитому торможению, раз оно возникает в больших полушариях при самых первых ступенях гипнотического состояния. Тогда вместо обычно первенствующей в бодром состоянии работы второй сигнализации

¹³ Цифра в скобках после цитат указывают страницы в кн.: Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. М., 1973.

¹⁴ Современной наукой проведены обширные экспериментальные исследования по выяснению специализации отдельных участков головного мозга, его асимметрии и т. п. См., например, работы Т. В. Ахутиной (Рябовой), Н. П. Бехтеревой, В. Л. Бианки, Б. Л. Деглина, В. В. Иванова, А. Р. Лурия, Т. В. Черниковской и др.

онной системы выступает деятельность первой сперва и более устойчиво в виде мечтательности и фантастичности, а дальше и более остро в виде сумеречного или собственного легкого сонного состояния (отвечающего просоночному или состоянию засыпания), освобожденного от регулирующего влияния второй системы. Отсюда хаотический характер этой деятельности, не считающейся больше или мало считающейся с действительностью и подчиняющейся главным образом эмоциональному влиянию подкорки» (411–412). «Чрезвычайная фантастичность и сумеречные состояния истериков, а также сновидения всех людей есть оживление первых сигналов с их образностью, конкретностью, а также и эмоций, когда только что начинающимся гипнотическим состоянием выключается прежде всего орган сигналов, как реактивнейшая часть головного мозга, всегда преимущественно работающая в бодром состоянии и регулирующая и вместе с тем тормозящая до известной степени как первые сигналы, так и эмоциональную деятельность» (425) (см. также широкоизвестные исследования в этой области З. Фрейда).

Развивая рефлекторную теорию И. М. Сеченова, Павлов производит деление всех рефлексов на два вида.

Безусловные (врожденные) рефлексы, находящиеся в «ведомстве» спинного и стволовой части головного мозга (простейшие), а также подкорки (сложнейшие), — низшая нервная деятельность: «У высших животных, до человека включительно, первая инстанция для соотношения организма с окружающей средой есть ближайшая к полушариям подкорка с ее сложнейшими безусловными рефлексами (наша терминология), инстинктами, влечениями, аффектами, эмоциями (обычная терминология). Вызываются эти рефлексы относительно немногими безусловными, т. е. с рождения действующими, внешними агентами. Отсюда ограниченная ориентация в окружающей среде и вместе с тем слабое приспособление» (411).

Условные (приобретенные) рефлексы, относящиеся к деятельности коры больших полушарий и той же подкорки головного мозга, — высшая нервная деятельность: «Биологический смысл условных рефлексов тот, что немного-

численные внешние возбудители безусловных рефлексов при определенном условии (совпадении по времени) временно связываются с бесчисленными явлениями окружающей среды как сигналами этих возбудителей» (396). Условный рефлекс — это «временная нервная связь бесчисленных агентов окружающей животное среды, воспринимаемых рецепторами данного животного, с определенными деятельностями организма. Это явление психологи называют ассоциацией» (416).

Физиологическое значение, смысл этих временных связей таковы: главные сложнейшие соотношения организма высшего животного с внешней средой для сохранения индивидуума и вида прежде всего обуславливаются деятельностью ближайшей к полушариям подкорки. Эти деятельности называют обыкновенно инстинктами, влечениями, эмоциями, но их следует обозначить, пишет Павлов, физиологическим термином «сложнейших безусловных рефлексов»: «Они существуют со дня рождения и непременно вызываются определенными, но в очень ограниченном числе, раздражениями, достаточными только в раннем детстве, при родительском уходе... Основная физиологическая функция больших полушарий, во все время дальнейшего индивидуального существования, и состоит в постоянном присоединении бесчисленных сигнальных условных раздражителей к ограниченному числу первоначальных, прирожденных раздражителей, иначе говоря, в постоянном дополнении безусловных рефлексов условными» (416). «Основное условие для образования условного рефлекса есть совпадение во времени один или несколько раз индифферентных раздражителей с безусловными рефлексами. На том же принципе совпадения во времени для животного синтезируются в единицы группы всевозможных агентов, элементов природы, как одновременных, так и последовательных» (416–417).

Однако если структура деятельности центральной нервной системы высших животных может быть рассмотрена как бинарная (безусловно-рефлекторная, низшая, и условно-рефлекторная, высшая, нервная деятельность), то в деятельности центральной нервной системы человека, а именно в

сфере его высшей нервной деятельности, имеется еще и специальная, специфически человеческая «прибавка». В чем ее сущность?

Высшая нервная деятельность животных — это «деятельность больших полушарий с ближайшей подкоркой, деятельность, обеспечивающая нормальные сложные отношения целого организма к внешнему миру» (417). Эта деятельность противопоставляется деятельности «дальнейших отделов головного и спинного мозга, заведующих главнейшим образом соотношением и интеграцией частей организма между собой», т. е. «низшей нервной деятельности» (417). Благодаря наличию высшей нервной деятельности «большими полушариями собаки постоянно производится в разнообразных степенях как *анализирование*, так и *синтезирование* падающих на них раздражителей, что можно и должно назвать элементарным конкретным мышлением. Это мышление таким образом обуславливает совершенное приспособление, более тонкое уравнивание организмом окружающей среды» (417). Но если основным органом высшей нервной деятельности животных являются «большие полушария, но без лобных долей», в которых (полушариях) «возникает при помощи условной связи, ассоциации, новый принцип деятельности: сигнализация немногих безусловных внешних агентов бесчисленной массой других агентов, постоянно вместе с тем анализируемых и синтезируемых, дающих возможность очень большой ориентировки в той же среде и тем уже гораздо большего приспособления», что составляет «единственную сигнальную систему в животном организме и первую в человеке», то «в человеке прибавляется, можно думать, специально в его лобных долях, которых нет у животных в таком размере, другая система сигнализации, сигнализация первой системы — речью, ее базисом или базальным компонентом — кинестезическими раздражениями речевых органов. Этим вводится новый принцип деятельности — принцип, обуславливающий безграничную ориентировку в окружающем мире и созидающий высшее приспособление человека — науку, как в виде общечеловеческого эмпиризма, так и в ее специализированной форме. Это вторая система сигнализации и ее орган...» (411–412). И несколько далее, углубляя и развивая свою мысль, Павлов пишет, что при фи-

зиологическом понимании истерии, ее симптомологии «пришлось сделать догадку относительно той прибавки, которую нужно принять, чтобы в общем виде представить себе и человеческую высшую нервную деятельность. Эта прибавка касается речевой функции, внесшей новый принцип в деятельность больших полушарий. Если наши ощущения и представления, относящиеся к окружающему миру, есть для нас первые сигналы действительности, конкретные сигналы, то речь, специально прежде всего кинестезические раздражения, идущие в кору от речевых органов, есть вторые сигналы. Они представляют собой отвлечения от действительности и допускают обобщение, что и составляет наше лишнее, *специально человеческое высшее мышление*, создающее сперва общечеловеческий эмпиризм, а наконец и науку — орудие высшей ориентировки человека в окружающем мире и себе самом» (424–425).

Ф. Энгельс писал: «Наши обезьяноподобные предки... были общественными животными; вполне очевидно, что нельзя выводить происхождение человека, этого наиболее общественного из всех животных, от необщественных ближайших предков. Начавшееся вместе с развитием руки, вместе с трудом господство над природой расширяло с каждым новым шагом кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства. С другой стороны, развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного человека. Короче говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них *появилась потребность что-то сказать* друг другу. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим.

Что это объяснение возникновения языка из процесса труда и вместе с трудом является единственно правильным, доказывает сравнение с животными-

ми»¹⁵. «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг, который при всем своем сходстве с обезьяньим, далеко превосходит его по величине и совершенству»¹⁶.

К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно определяли человеческое сознание прежде всего как осознание человеком, человеческим мозгом окружающего мира и самого себя, своего *Я*, своего мышления, самого сознания и т. п.: «сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием»¹⁷; сознание есть всего лишь «осознание ближайшей чувственно воспринимаемой среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего осознавать себя индивидуума»¹⁸; «сознание необходимости вступать в сношения с окружающими индивидами является началом осознания того, что человек вообще живет в обществе»¹⁹, и вообще — «позвоночное, в котором природа приходит к осознанию самой себя — человек»²⁰. В. И. Ленин, вслед за Энгельсом, писавшем о «высшем продукте органической материи, человеческом духе»²¹, говорил о «психическом, сознании и т. д.» как о «высшем продукте материи (т. е. физического)», как о «функции того особенно сложного куска материи, который называется мозгом человека»²².

* * *

Итак, в процессе превращения обезьяны в человека (основное условие — жизненно важная необходимость совместной трудовой деятельности) предметное, ситуативное, конкретное, чувственное и т. п. в своей основе мышление человекообразных обезьян постепенно, очень сложно (диалектически сложно) развивается в собственно человеческое (*homo sapiens*), рациональное, логиче-

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 489.

¹⁶ Там же. С. 490. См. также: Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. М., 1983.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 25.

¹⁸ Там же. С. 29.

¹⁹ Там же. С. 30.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 357.

²¹ Там же. С. 347.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 239.

ское, научное, символическое, абстрактное, отвлеченное, надситуативное и т. п. мышление и, качественно совершенствуясь, продолжает существовать с ним в тесном единстве. Одним из решающих условий этого развития (после труда «и вместе с ним») является возникновение слов, членораздельной речи, которые дают возможность обходиться без необходимых для существования процессов предшествующих форм чувственно-наглядного мышления условий реальной, «наглядной» ситуации.

Первопричиной возникновения собственно человеческого мышления является общественный труд, совместная трудовая деятельность. Следовательно, это мышление оказывается произведенным при помощи орудий особого рода («психологических орудий» — Л. С. Выготский) — слов, звуков человеческой речи и т. п. — продуктом общественной трудовой деятельности. И как всякий продукт труда это абстрактное, теоретическое мышление, можно сказать, отчуждается в словах (речи) от своего «производителя», от дочеловеческого мышления, превращаясь из конкретно-индивидуального мышления животных в абстрактное, надситуативное, индивидуально-общественное, социально обусловленное мышление людей²³. Средство, орудие такого отчуждения — членораздельная речь, язык, слово. Именно благодаря человеческому слову *Я* отделяется (отчуждается) от *Я* и осознается как *Я* в ряду других (чуждых) *Я* (не-*Я*). Именно благодаря слову мозг обезьяны, превращаясь в человеческий мозг, получает возможность осознать свое мышление, так как, несмотря на то что определенными формами мышления обладают и животные и младенцы, ни те ни другие не осознают ни себя, ни окружающий мир, ни собственное мышление, т. е. лишены сознания в том смысле этого слова, о котором говорилось выше. Способностью осознавать, сознанием обладает только человек и только на достаточно высоких ступенях своего развития. Другими словами можно сказать, что появление в результате известных причин человеческого языка позволяет неосоз-

²³ *Колшанский Г. В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975. С. 7.

нанному, бессознательному мышлению животных осознать и себя и весь окружающий мир и существующие в нем отношения в человеческом мышлении.

Каждое поколение людей попадает в ситуацию результатов исторического опыта человечества, представленных, с одной стороны, материальными ценностями, с другой — материализованной в виде слов, речи, текстов и т. п. общественной мыслью, накопленными знаниями. Отчужденные в текстах идеи, созданная в словах искусственная (вторая) ситуация (ситуация ситуации) могут (особенно на ранних стадиях развития в онто- и филогенезе) породить иллюзорное восприятие человеческого слова как особого самостоятельного и самодостаточного «нечто», «рода реальности (конечно) фиктивной» (И. М. Сеченов) и привести в конечном итоге к переоценке роли слова, к его фетишизации, обожествлению, к зависимости от него и подчинению ему человека. Это проявляется не только в обыденной жизни, бытовой обстановке (что нормально), не только в искусстве (и других различного рода способах эмоционально-словесного воздействия и регуляции, когда словом действительно «можно убить и можно спасти»), но и в определенной части научных исследований (что совершенно недопустимо). В последнем случае изучение реальных явлений, их существенных свойств, связей и отношений подменяется выяснением и описанием свойств, связей и отношений языковых (прежде всего номинативных) единиц, употребляемых для обозначения соответствующей области действительности. И. М. Сеченов писал: «...большинство людей и в большинстве случаев думают словами, а не образами... многие вещи знаются людьми только по слуху, т. е. „полузнаются“» (95). Сказанное относится прежде всего к определенным направлениям теоретического («метафизического», отвлеченного) мышления, к того или иного рода разновидностям научного идеализма (агностицизму, номинализму, прагматизму, позитивизму и т. п.). Один из величайших пороков метафизики Сеченов, как уже отмечалось, видел в том, что «ее предельные объекты... или сущности суть продукты расчленения уже не реальных впечатлений, а словесных выражений их» (201). И здесь ученых очень часто подстерегает весьма коварная опасность.

О слове Б о ж и е м сказано: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» и «Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквам». О материальном мире, о нашей реальной земной жизни говорится: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать».

«...Отдавайте кесарево кесарю, а Б о ж и е — Б о г у».